

Колин Таброн

К последнему городу

Таброн К.

К последнему городу / К. Таброн —

Пятеро европейцев, трое мужчин и две женщины, отправляются в путешествие по Андам к развалинам полулегендарного города Вилкабамбы – города, в котором инки нашли свое последнее пристанище в борьбе с завоевателями-испанцами. Никто из путников даже не догадывается о том, что им предстоит преодолеть не только все тяготы путешествия, но и взаимное непонимание и даже враждебность. Примириться с прошлым и заново обрести себя – вот основная задача, которую приходится решать европейцам.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	14
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Колин Таброн

К последнему городу

Остин и Пейдж посвящается

Я благодарен Джону Хеммингу за разрешение использовать его переводы из испанских хроник в «Покорении инков»; а также Марисоль Москьера и Фернандо Сильве за существенную помощь в Перу; и тишине в Сан-та-Маддалена.

Глава первая

Когда они спустились к ущелью, перед ними выросли высокие горы. Здесь царило полное уединение – такого никто из них никогда не ощущал до этого. Они почувствовали себя навеки отрезанными от солнечного света. Тропический лес заметно поредел, и откуда-то сверху задул теплый ветер. То и дело из-под лошадиных копыт вырывались мелкие камешки и со свистом уносились в пропасть. Над головами путников через полнеба протянулся частокोल острых вершин, покрытых снегом, – там, на огромной высоте, и находился конечный пункт их путешествия, который они даже не могли себе вообразить.

Весь день они медленно брели по едва заметной тропинке, которая серпантинном вела к ущелью. Они спустились на пять тысяч футов. Погода стояла безветренная, неяркое солнце мягко освещало ущелье – в Перу началась зима. Внизу, под ними, вокруг больших валунов пенились беспокойные воды реки Апуримак, заметно обмелевшей из-за засушливого лета. Когда они углубились в ущелье – кто пешком, кто на лошади, – вершины Вилкабамбы на горизонте наконец сменила стена скал, тянувшаяся вдоль лощины, с ее головокружительными уступами и глубокими расселинами.

Спускаясь по крутой тропе, лошадь бельгийца ступала медленно и осторожно, и у того уже сильно ныли бедра, а у англичанина после четырех часов непрерывной ходьбы огнем горели растертые в походных ботинках ноги. Впрочем, сейчас он был слишком поглощен путешествием, чтобы обращать внимание на боль; перед ним шел худой священник, казалось, он всегда погружен в какие-то высокие думы – остальные находили его экзальтированность забавной, но делали вид, что все понимают. То тут, то там путь пересекали бурные потоки воды, ярко блестящей на солнце, и когда они перебирались через них, то оказывались в зарослях дикой фуксии и лиан, которые густо оплетали замшелые деревья.

Внезапно тишину разорвал нарастающий рев реки, и лес сразу же наполнился гомоном и свистом невидимых птиц. Лошади затрусили по навесному мостику, сплетенному из толстых веревок. На том берегу погонщики мулов уже разбили лагерь на небольшом клочке относительно ровной земли. Все они – пятеро мужчин с девятью навьюченными мулами и повар – как будто вышли из другого столетия. Погонщики были индейцами из племени кечуа – их глубоко посаженные глаза и острые подбородки выдавали в них потомков инков. Похоже, они были рождены для этих высоких гор и лесов. Уверенно, не спотыкаясь и не оступаясь, погонщики бесшумно скользили вниз по узкой тропе, вдыхая разреженный горный воздух давно привычными легкими. Когда зашло солнце, они распрягли мулов и устроились на корточках среди поклажи и упряжи, покуривая табак и тихо разговаривая между собой на своем гортанном наречии. Они уже поставили палатку, служившую путешественникам столовой, но входить в

нее, похоже, не собирались. Европейцы и их проводник-mestizo¹ забрались внутрь и расселись на алюминиевых стульях вокруг алюминиевого стола, а повар остался у входа, пытаясь накачать газ в ржавую походную печку.

Сначала они чувствовали себя неловко – как незнакомцы, которых вместе свел случай. Но вскоре сгущающаяся темнота и ощущение того, что они отрезаны от окружающего мира, объединили их, заставив каждого испытать некоторую благодарность за то, что он здесь не один. Постепенно всех охватило легкое возбуждение. Они даже выпили по бокалу дешевого чилийского вина – за благополучное начало их путешествия.

Проводник, оказавшийся между священником и спокойной англичанкой, попытался было произнести приветственную речь, но в его голосе слышалась тревога. Эти люди совершенно не осознают, где находятся. В их сумках и рюкзаках – шоколад, косметика, сотовые телефоны. Неужели они не понимают, что звезды, только что проступившие в темном небе над их головами, уже не те звезды? Только Луи – тучный бельгиец – со свойственной ему прямоотой решился обратиться к проводнику. Недовольно ворча, он растирал свой бедра.

– Нужно было взять с собой носилки!

– Носилки? Что вы имеете в виду? – Проводник помолчал и добавил: – Вы жалеете о том, что отправились в это путешествие?

– Жалею ли я? – Бельгиец рассмеялся грудным смехом. Казалось, он смеется над самим собой. – Да у меня не было выбора! Моей жене захотелось покататься на лошадке. Она без ума от гор и джунглей. – Он перегнулся через стол и взял ее за руку. Она рассеянно улыбнулась, и он продолжил: – Я просто дурак.

Впрочем, бельгиец совсем не был похож на дурака. В его больших, навывкате глазах читалось любопытство. Жозиан выглядела на тридцать лет моложе; может, она и была на тридцать лет моложе – трудно сказать наверняка. Она казалась очень привлекательной и изящной. Англичанин, сидевший напротив, внимательно разглядывал Луи и думал, что это, должно быть, его вторая, а может, уже и третья жена. Сейчас, при колеблющемся свете свечи, Жозиан казалась вполтину менее реальной, чем Луи.

Она сказала:

– Louis fait seulement ce qu'il a envie de faire².

Казалось, она говорит только по-французски, и опасения проводника все усиливались. В агентстве ему сказали, что единственный фактор, объединяющий этих людей, – английский язык. И снова он почувствовал, что надо что-то сказать, что-то среднее между приветствием и предостережением. Он попытался подобрать нужные слова:

– Вы и сами понимаете, что это необычное путешествие. Думаю, именно поэтому вы и решились в нем участвовать. – На самом деле он не был уверен, что они решились в нем участвовать именно поэтому. – Мы пройдем двести километров за пятнадцать дней. Это, конечно, не очень много, но... но нам предстоит проникнуть в самое сердце Восточных Анд. Идти по этой земле очень непросто... Иногда придется проводить на ногах по восемь-девять часов в день. Здесь почти нет равнин и плоскогорий. Погонщики будут разбивать лагерь там, где это возможно.

Теперь европейцы внимательно слушали его, но он понимал, что все это бессмысленно. Иностранцы путешествовали по этой земле, не обращая никакого внимания ни на подстерегающие опасности, ни на ее святыни. Может быть, именно это безразличие и защищало их, помогая им выжить. Он продолжил:

---

¹ Метис (исп.). (Здесь и далее прим. пер.)

² Луи всегда делает только то, что ему самому хочется (фр.)

– Завтра вечером мы должны достигнуть развалин древнего инкского города Чокекиро. Немногие видели эти развалины до вас, и никто не знает, зачем вообще инки построили этот город. У него нет истории.

– Но должны же были остаться какие-то воспоминания, – прервал его англичанин. – Неужели не существует никаких преданий, легенд? – У него были бледные светло-серые глаза на красивом подвижном лице. Но проводник вдруг почувствовал прилив неприязни к этому человеку. Его челюсть слегка подрагивала из-за какой-то нервной нетерпеливости. Кто бы что ни говорил, англичанин либо относился к этому с невероятным воодушевлением, либо выказывал полное неприятие. – А что говорят местные жители?

– Здесь нет местных жителей. Эта земля пуста, – резко ответил ему проводник и продолжил: – За шесть дней мы переберемся через хребет Вилкабамбы. Мы поднимемся на высоту пятнадцать тысяч футов и дойдем до линии снега, потом преодолеем перевал и начнем спуск. Ближе к концу нашего путешествия мы войдем в тропический лес возле Эспириту-Пампа. И наконец окажемся в городе Вилкабамба.

Наверное, ему просто показалось, что группа издала один общий слабый вздох. Вилкабамба. В конце концов, именно это и привело их сюда. Все эти люди чем-то походили на детей. Он уже был как-то раз в Вилкабамбе и знал, что ничего особенного там нет. Просто груды серых камней, окруженных джунглями. Инки построили этот каменный город пятьсот лет назад, он был их последним убежищем от испанцев. Какое дело иностранцам до обычных камней? Зачем они отправились в это путешествие? Эспириту-Пампа не самое приятное место. Почва там какая-то горькая. Уходя, испанцы разорили и увезли с собой все, что можно, а то, что осталось, скрыл лес. Говорят, это место неспокойно.

Англичанин лежал в спальном мешке и прислушивался к частому, но ровному дыханию своей жены. При тусклом свете луны он заметил, что она поставила между ними свои ботинки, а также положила куртку и бутылку воды. Он знал, что она еще не спит, потому что слышал ее дыхание. Во сне она обычно дышала бесшумно. Исходившее от нее безмолвное негодование обволакивало палатку подобно туману. Он попытался переключиться на шум реки и однообразную песню какой-то птицы.

Вдруг она спросила:

– Роберт? Что ты думаешь об этих людях?

Она даже не повернулась к нему.

Он ответил:

– Пожалуй, мне нравится бельгиец. Он, конечно, циник, но достаточно умный. Что до священника – как его зовут? Франциско? – сложно сказать, потому что он почти ничего не говорит. Думаю, проводнику можно доверять; да и погонщикам тоже. Эти ребята выглядят слабыми, но на самом деле они сделаны из железа.

О Жозиан он промолчал. Просто-напросто потому, что еще не знал, как он к ней относится.

– Что касается жены бельгийца, – в конце концов сказал он, – то сначала я вообще подумал, она его дочь. Как ты думаешь, кто она? Актриса? Танцовщица?

Камилла сказала:

– Сложно представить, чтобы такой человек, как Луи, мог потерять голову из-за кого бы то ни было.

Она замолчала и снова учащенно задышала. Он опять ощутил ее негодование, ее отвращение ко всему путешествию. Она оказалась здесь, в этой глуши, среди всех этих непохожих людей только из-за него. Они всегда подходили к людям по-разному. Обычно она норовила присвоить друзей себе. Друзья ее были немногочисленными, но зато верными. Он уставал от них и всегда чувствовал себя немного виноватым. Такая дружба была слишком тяжелой, слишком особенной.

Он заснул первым, но через час проснулся и увидел, что в лунном свете на потолке колыхаются четкие тени от листьев. Он с удивлением уставился на эту картину. Они выглядели такими тонкими и изящными: капли джунглей на холсте палатки. Снаружи река все ревела и ревела в, казалось, сгущающемся одиночестве. Камилла спала, и на какой-то момент весь мир состоял только из леса, отпечатавшегося на залитом лунным светом брезенте, и шума огромной реки, во тьме несущей свои бурные воды к Амазонке. Воздух стал прохладнее. Он вдруг почувствовал необъяснимый восторг. Это странное чувство было знакомо ему с юности, и он услышал свои собственные слова, те же, что и двадцать лет назад: «Я жил, жил!»

Камилла услышала, как он расстегнул сетку от комаров у входа и вышел из палатки. Во сне ей показалось, как будто Роберт был слишком большой для палатки, и теперь, когда он вышел, внутри снова стало спокойно и холодно. Она посмотрела на потолок, увидела тот же лунный узор и испугалась. Лунный свет был слишком холодным и бледным. Она плотнее застегнула спальный мешок. Кто все эти люди, которых они больше никогда не увидят после путешествия? Бельгиец не обращал на нее никакого внимания, она для него вообще не существовала, по крайней мере как женщина. Это больше не волновало ее, подумала она, ну, разве только совсем немного. Но он ей никогда не сможет понравиться. А его жена, с локонами, как у эльфа, и детскими манерами, уже начинала слегка раздражать. Что же касается священника Франциско, то он смотрел на нее, как испуганный олень, и не промолвил ни слова. Роберту все это нравилось, как ему нравился театр. Непостоянство его не беспокоило. Он похищал у людей их образ мысли, взгляд, внешний вид, странности и шел дальше.

Когда-то ей нравились его метания от одной одержимости к другой, и время от времени она по привычке одобряла их и сейчас. Семнадцать лет назад (кто бы мог подумать?), когда они только-только поженились, он был без ума от турецкой архитектуры, потом его увлекли малые религии Ближнего Востока, потом он занялся спасением арамейского языка и беспрестанно строчил статьи – одну за другой, в которых, казалось, ярко выражался его несомненный талант. Работая журналистом в колонке новостей в Дамаске, он возил ее с собой по всей Сирии, пребывая одновременно в эйфории и разочаровании. Теперь она часто задумывалась об этой его неиссякаемой энергии. Следующие пятнадцать лет она наблюдала за тем, как он перебегает из одной газеты в другую, крутится возле столов иностранных редакторов в Лондоне, но никогда нигде не задерживается подолгу. Казалось, от него всегда ждали чего-то особенного: того, что он, в конце концов, станет главным редактором крупного издания или напишет книгу, которая произведет фурор. Но его увлечения никогда не пропадали сами по себе: каждая последующая одержимость поглощала предыдущую, и та просто переставала существовать. Иногда ей казалось, что и она сама уже давно перестала существовать для него.

Камилла закрыла глаза. Ей никогда не нравились горы, и она была не уверена, что годится для этого путешествия. Лежа в одиночестве в палатке, она презирала себя за то, что была сейчас здесь. Она всегда старалась разделить увлечения Роберта, вместо того чтобы самой найти себе увлечения. Ее собственные всегда оказывались придавленными грузом его очередной, бурно разрастающейся одержимости. Ее тяга к исследованиям – тяга, которая стала не более чем хобби после рождения прекрасного сына – сильно отличалась от увлечений Роберта: это была не переработка или изменение знаний, а просто пассивное получение удовольствия от них. Иногда она думала о том, кем могла бы стать, если бы не вышла замуж так рано. Но, скорее всего, она стала бы тем же, почти тем же. Камилла представила, как Роберт стоит в темноте и мечтает об инках. Иногда она чувствовала, что он на грани отчаяния, он как будто боялся, что время убегает от него. Она ощутила легкий приступ тревоги.

Стоя под переливающимся небом, Роберт удивлялся, что на нем нет луны. Игру теней на потолке палатки вызывал свет звезд. Он никогда еще не видел такого удивительного неба. Оно притягивало его. Медленно переведя взгляд на реку, он вдруг понял, что улыбается, как наркоман. В зарослях белых лилий мигали светлячки, а в траве ползали светящиеся червяки. Над

его головой неведомые ему созвездия сверкали ярче и загадочнее, чем созвездия Северного полушария, и Млечный Путь казался не жидкой струйкой огоньков, а широкой матово-белой лентой, протянувшейся от одного края земли до другого. Неудивительно, что инки поклонялись ему.

Роберт просунул руку под полог палатки, покопался и вытащил наружу свой телескоп и компас. Крошечная стрелка компаса ярко блестела при свете звезд. Она качнулась в сторону черного массива гор, вздымавшихся над ними, туда, где тропа, по которой они шли, круто уходила на север. За этим массивом, как представлял себе Роберт, последние пики и вершины Анд плавно переходили в покрытую снегом скалистую стену, за которой начиналось угорье, затем непроходимые леса и наконец дельта Амазонки. Именно там, где горы сменялись джунглями, инки построили последний город своей некогда великой империи. Вилкабамба – ему нравилось это слово. В течение нескольких лет оно постоянно вселяло страх и в испанцев, и в индейцев, страх, что инки могут когда-нибудь вернуться.

Он установил штатив телескопа среди камней и направил его на небо. Телескоп не был мощным – чуть больше, чем игрушка, – но в его объективе Южный Крест тут же угрожающе вспыхнул, а матовый Млечный Путь рассыпался на отдельные звезды, как разбитое стекло.

Когда Роберт оторвался от окуляра, ему на мгновение показалось, что небо сильно приблизилось к нему, приблизилось ко всей земле. Он потер глаза, чтобы снова привыкнуть. Его озадачивало, что с такой замысловатой паутиной звезд инки, которые верили, что они – Дети Солнца, почти ничего не знали о небе. У них даже не было настоящего астрономического календаря, как у майя или ацтеков. Для них звезды были священными животными, которые имели связь с землей: Орион, например, стал ламой, пересекающей небо, чтобы попить воды из Тихого океана.

Такие пробелы в культуре завораживали его: он видел в них не недостатки, а то, что последующие поколения так и не смогли понять. Цивилизация инков была полна таких загадок. Расцвет их империи приходился на европейскую эпоху Возрождения, но, казалось, он произошел в далекой древности. И вот в этот мир прибывают испанцы, неся с собой всю современную жестокость. Одетые в стальные доспехи, конкистадоры ездили на боевых лошадях и стреляли из мушкетов. А индейцы были в легких доспехах из золота и украшены перьями. Их войска рассеялись, как туман. Сто семьдесят испанцев обратили в бегство десятки тысяч индейцев, и всего за десять лет империя инков пала. Так исчезает изображение со старой картины, которую вдруг выставили под прямые солнечные лучи.

Для Роберта, который всю свою жизнь зависел от слов, тайна инков казалась еще более удивительной из-за того, что у инков не было ни письменности, ни алфавита. Память о них сохранилась в их потомках – индейцах племени кечуа, которые все еще бродят по этим горам в печальном забытии, и наполовину изученных руинах. Роберт много читал об инках в библиотеках, пока они не превратились в надоедливую одержимость. В Лайме он внимательно изучил памятники их цивилизации в музеях, но они все равно так и не стали ему ближе. Наоборот, они стали еще дальше. Их одеяния, сплетенные из золотых чешуек, похожих на чешуйки какой-то удивительной рыбы, их маски, флейты и опахала для церемоний, золотые украшения, которые сверкали на их телах, – все это казалось наполненным каким-то непонятным символизмом.

Как у них могло не быть письменности? Если это так, то их империя была самой странной из всех великих империй. Роберту все время казалось, что европейцы, и он в их числе, были всегда слепы ко всему неординарному, что такой пробел, как отсутствие письменности, мог быть заполнен каким-то другим способом выразить себя – языком, свободным от тех понятий, которые выражались алфавитом: возможно, языком, воплотившимся в музыке или иероглифах тканей; может даже, в созвездиях или замысловатой планировке инкских городов. Если необходимость выразить себя не может найти выхода в словах, то она – Роберт был в этом уверен – всегда ищет какой-нибудь другой путь.

Внезапно он услышал грудной голос у себя за спиной:

– Совсем другое небо, правда? Не могу найти ни одного созвездия. – В ярде от него стоял Луи. – Знаете, в первом телескопе – кажется, это был телескоп Галилео – звезды были *квадратные и прямоугольные*. Это довольно удручающе, я бы сказал. – Казалось, он чувствовал себя на удивление хорошо в эту холодную ночь, его двойной подбородок утопал в вороте шелковой пижамы. – Квадратные звезды значительно нарушали все наши представления о них, поэтому люди переделали телескоп. Людям не хотелось, чтобы над ними парили многоугольники.

Роберт подумал, что ему нравится Луи. Он сказал:

– Думаю, инки видели их именно квадратными. Раз они так и не придумали колеса.

Он заметил белый живот Луи, немного высывающийся из-под рубашки пижамы, и почему-то подумал о Жозиан. Как она терпела его на себе? Он показал на телескоп:

– Не хотите взглянуть?

Бельгиец пожал плечами:

– Мне и отсюда видно достаточно. Даже больше, чем нужно. Этот свет бьет по глазам.

– Но это же удивительное зрелище.

– Ну да, конечно. Это все горная стратосфера. Само собой, в ней меньше углекислого газа, поэтому здесь значительно чище. – Он посмотрел на небо. – Но, господа, какая же там неразбериха! Полный хаос, следующий по своей собственной орбите. И люди еще говорят о строгом устройстве небес. Гравитация – обычная лотерея! Становится неприятно, когда смотришь на все это. – Он захохотал своим густым смехом. А потом вдруг добавил: – Вы ведь журналист, правда?

– Был журналистом, – ответил Роберт. – Я уволился из редакции, чтобы отправиться сюда.

– Уволились? – Луи подозрительно взглянул на него.

– Ну, я стал свободным журналистом. Довольно рискованно. Но все дело в том, как долго вы ждете.

– Чего ждете? – Луи почесывал свой живот.

Роберт поколебался. Ему вдруг стало немного неловко объяснять: как долго вы скрываете свои замыслы, подобно зверю, запертому в клетке. Долгие годы зверь почти не двигался. Роберт даже подумал, что тот уже умер. И вот зверь снова стал расхаживать по клетке – туда-сюда: его подняло желание сделать что-нибудь, пока не стало совсем поздно, пока он не умер, и от этого зверя стала исходить давно затаенная злоба. И вот однажды утром он решил высвободить его: страстное желание написать что-то совсем другое. Озвучить то, в чем инки оставили память о себе, что бы это ни было, пока он идет по этой некогда святой земле. Записать все это, пока его профессионализм не исказил все слова. Пока он сам еще не усомнился в своей идее о том, что инки могли открыть какой-то неведомый миру язык.

Но все это казалось слишком наивным, чтобы говорить сейчас об этом. Потому что, может быть, только он и верил в то, что такой секретный шифр мог сохраниться – в камне, или в керамических украшениях, или в очертаниях развалин их городов, – а также в то, что он обладал способностью разгадать его, что это была не просто необоснованная вера в себя. Не скрытые способности – он уже представил себе, как усмехнется Луи, – а полное убеждение в своей идее: ловушка. Поэтому он ответил Луи:

– Я имел в виду, ждете той возможности, когда сможете написать об этом путешествии. – Роберт вдруг почувствовал, как внутри предостерегающе забила неуверенность.

– Что написать? – спросил Луи.

– Книгу, тонкую книгу.

– Ну, тогда сделайте это, месье, сделайте! Сделайте ее непохожей на то, что вы обычно пишете. – Бельгиец едва заметно покачал головой. У него были соломенные кудри, которые выглядели немного растрепанными. – Когда я был молодым архитектором, мне очень хотелось

спроектировать загородную виллу, но никто не хотел выделить мне денег на это. Дело в том, что наши виллы в Эно были слишком похожи на городские дома. И тогда я сам купил участок и сам построил виллу. В духе Фрэнка Ллойда Райта. Продал ее потом очень дешево! – Он засмеялся, на этот раз немного жестоко. – Но теперь я вижу, что эта вилла была жалким подражанием. Каждый раз, когда я проезжаю мимо нее, я снимаю очки. Ха-ха-ха!

Роберт почувствовал себя слишком уязвленным, чтобы смеяться с ним вместе. Он сказал: – Ну, я не так молод, как вы были тогда. – Он сложил телескоп. – В любом случае посмотрите на эту страну! Если что-то и может заставить вас посмотреть вокруг незамутненным взглядом, то это она!

Он понял, что его слова прозвучали очень глупо, но было уже поздно.

Луи снова разразился смехом. В его смехе что-то перекачивалось, гроыхало, и теперь в нем чувствовалось нечто недоброе.

– А! Незамутненный взгляд! Самозабвение. Вы очень амбициозны.

– Да, – Роберт вспомнил другие обвинения. Ты эгоистичный: да. Высокомерный: возможно. Деспотичный: да (это она так говорила). И все в том же духе. Да.

– Но при чем тут Вилкабамба, месье? Почему вы не выбрали Лондон, если вам так захотелось испытать себя? О доме писать гораздо сложнее.

Роберт ответил:

– Потому что Вилкабамба была последним воспоминанием инков о самих себе. Это была их последняя попытка оставить о себе память.

Он подумал: там, и нигде больше, они должны были стремиться запечатлеть свое прошлое, свою историю, которую они не могли облечь в слова, в то время как их империя испарялась у них на глазах. Желание увековечить свою историю, должно быть, было невыносимым. Путешествие к этому городу, думал он, напоминает паломничество. Впервые он отправляется куда-то не как журналист, не в поисках определенного сюжета, не пытаясь навязать кому-то какие-то взгляды. Он не знал, чем все это закончится. Он просто верил в путешествие. И верил себе. Это действительно было высокомерием. Он никогда еще не чувствовал такого ликования. Он посмотрел на палатки, опасно нависающие над бурной рекой, – в палатке священника все еще горел свет – и на их мулов и лошадей, прижавшихся друг к другу за палатками. Ему больше не хотелось говорить о себе.

– А вы, Луи? Вы оставили вашу карьеру архитектора ради этой причуды.

– О нет, это моя карьера оставила меня. Я был сокращен – в пятьдесят шесть лет! Люди разлюбили мои дома. Все решили, что мои дома построены в духе постмодернизма, а это в провинциальной Бельгии конец. Они сочли меня неуместным, а я просто играл со стилями. – Он забавно потоптался на траве. – Вы всегда можете отличить мои дома – они повсюду в Эно и Брабанте, – потому что у них у всех маленькие погрешности в стиле, какие всегда должны быть.

Роберт подумал, возможно, такое доверие вызвано уединением этих мест или этой удивительной пропастью во времени и национальной принадлежности между ними.

Луи продолжал:

– Все это произошло три года назад – тогда я оказался без работы и разведен. Но этот мир здорово продуман, месье. Он продолжает жить и развиваться. – Он дотронулся до руки Роберта, как будто желая его утешить. – Сейчас я работаю частным консультантом, и у меня чудесная жена!

Когда он направился к своей палатке, англичанин внезапно почувствовал тот же запах, что и у Жозиан, удивительно похожий на запах ладана.

Блокнот – это почва, из которой потом произрастает книга. В нем содержатся детали, изображения, мысли. Я записываю их, сидя на этих камнях, при свете звезд.

Сегодня первый день свободы.

Я не могу воспринимать окружающий мир так, как воспринимали его инки. Но вполне могу избавиться от собственного восприятия. В первую очередь это касается того, как описать эту землю. Если я сосредоточусь, я смогу избавиться от банальности. Так что все дело во внимательности и открытости. Пусть предметы сами подбирают слова для своего описания. И тогда получится книга.

День: острые и голые вершины гор. Серо-голубой сланец. Ужасающие стальные стены, окружающие долину. Вся сложность этого ущелья – переменчивое освещение. Вокруг ни души. Только две маленькие девочки играют на берегу Апуримак. Но потом и они убежали. Отсюда река преодолевает еще четыре тысячи миль, прежде чем достигнуть Атлантического океана. Ее воды бурные даже в августе.

Камилла неплохо справляется. Я боялся, что она устанет. Она всегда думает, что я специально оставляю ее позади. Мы спускаемся по ущелью с помощью бамбуковых палок в обеих руках, как лыжники по пыли.

Тайна: как испанцам удалось завоевать эти земли? Стальные доспехи, тяжелые мечи, боевые лошади в броне, аркебузы, невероятная смелость – всего этого все равно не хватит, чтобы противостоять во много раз превышавшим их по численности инкам. Может, инки считали их богами?

Камилла проснулась от скрипучего голоса бельгийца и подумала, что он, наверное, разговаривает с Жозиан в своей палатке. Потом она увидела скомканный спальный мешок рядом и выглянула наружу.

Роберт устроился под звездами на валунах с блокнотом в руках. Несколько минут она смотрела на его склоненную голову и мелькавшую над страницей руку. Она поняла, что он начал свою книгу, но его блокноты всегда были тайной для нее – он не разрешал ей читать их. Сталкиваясь с его страстным и глубоко личным желанием писать, она отступала к практицизму. Она превращалась в жену, которая волнуется по поводу платы за обучение на будущий год. Ей также было интересно, какой она представляла в его повествованиях. Скорее всего, как далекая знакомая, думала Камилла, или как имя, затерянное в списке благодарностей и посвящений.

Она снова легла, не испытывая на этот раз никакой горечи. Она не считала себя очень привлекательной. Когда ее сын был меньше, представить себя привлекательной было гораздо проще. Но теперь он уже учился в закрытой школе – ему было пятнадцать, и у него начал ломаться голос. Время от времени она чувствовала себя лишенной чего-то. Ей хотелось, чтобы он все еще был маленьким.

Когда она повернулась на бок, то с радостью заметила, что ее тело по-прежнему гибкое. Она согнула спину, потрогала икры – ничего. Ей не хотелось подводить Роберта.

Но с каждым днем, все чаще и чаще, прикрываясь заботой о нем, она чувствовала себя одинокой. Возможно, чтобы чувствовать себя женщиной, ей нужно, чтобы кто-нибудь от нее зависел. Даже спустя несколько лет после того, как она отучила сына от груди, Камилла просыпалась среди ночи, чувствуя у своей груди ребенка.

Беспорядок, творившийся в мозгу у испанца, был вызван вовсе не тревогой или страхом, а лихорадочным возбуждением, усилившимся из-за суровых законов этой земли, а также из-за необычного характера того, в чем он участвовал. Он очень устал, но никак не мог заснуть. Казалось, он больше не в состоянии ничего вынести. Из-под блестящих волос, по-мальчишески расчесанных на пробор, смотрели черные сверкающие глаза и проглядывали худые, обтянутые кожей черты лица, что придавало ему какую-то нервную слабость.

Он осторожно поставил свечу на брезентовый пол палатки и повесил над собой распятие. Потом раскрыл католический требник и прочитал вслух *Anima Christy*³, чтобы наконец

---

³ Душа Христа (лат.) – одна из основных католических молитв.

успокоиться. Он дважды поднимал глаза и просил прощения у крашеной фигурки, висевшей на кресте; краска с нее почти вся вытерлась от частых прикосновений пальцев его бабушки, его тети, его матери. Он немного успокоился.

Пару минут спустя он порылся в рюкзаке и вытащил оттуда диск из отполированного кварца. Осторожно протер его гладкую поверхность и снова увидел свое отражение, колеблющееся в неровном свете свечи. Он видел его в диске с детства: это обеспокоенное лицо. Но сейчас, непонятно почему, оно поразило его – то, как он умудряется выживать здесь; и Франциско вдруг понял, что почти ожидал не найти своего отражения в отполированном круге.

Снаружи смех бельгийца смешивался с ревом реки. Франциско вздрогнул. Эти люди носят с собой свои земные интересы, подобно доспехам. Из них сочатся города. Что бы они ни сказали, как бы ни взглянули, что бы ни сделали – все кажется каким-то грязным, порочным. Особенно Луи: этот второй подбородок, глаза навывкате и привычка весело говорить о чем угодно, часто безо всякой необходимости! И вот, как раз когда ожидаешь, что он станет серьезным, этот жуткий смех начинает вдруг сотрясать его грудь и вырывается наружу, как будто пытаясь обезопасить его от правды.

И Жозиан тоже. Разве можно быть такой и все еще не умереть? Она похожа на фарфоровую статуэтку. Он и вправду уже встречал такую – на витрине одного магазина в Трухильо, – бледную, почти что незримую. Помощники переодевали ее и меняли ей парики раз в месяц. Его пугала даже мысль, что она может к нему прикоснуться.

А еще – чета англичан. Из-за этого журналиста он уже боялся разговаривать. Если все же заговоришь с ним, он либо быстро отделается от тебя, либо разорвет тебя на куски, требуя объяснений. Эти бледные, горячие глаза! Один раз за вечер Франциско попробовал заговорить о ранних испанских миссионерах, и Роберт тотчас же расстрелял его в упор: какие именно миссионеры? когда? где? что именно они?.. Напор Роберта был приятнее, чем цинизм бельгийца, – иногда в его взгляде, в его чутком, вытянутом лице и губах даже проступала симпатия, – но все равно это было невыносимо. Франциско очень хотелось оставаться незамеченным. Человека, он был уверен в этом, создал Господь.

Только англичанка, которую муж игнорировал, казалась другой. Она выглядела спокойной и серьезной. У нее было приятное женское тело. Она говорила о доступных вещах. Ее можно было понять по глазам. По глазам Жозиан – темно-синим, с длинными ресницами – невозможно было ничего сказать о ней самой: они были просто красивыми. А серые глаза Камиллы резко выделялись на фоне ее смуглой кожи. Он решил, что она прекрасна.

Франциско развернул книгу в потертom кожаном переплете, *El Calvario del Inca: Cronicas contemporaneas*⁴, и осторожно раскрыл ее. На форзаце выцветшими чернилами было выведено имя его матери, а под ним, тем же почерком, но немного неровным, явно слабеющей, дрожащей рукой было написано: «Para Francisco, para que comprenda y se illumine»⁵. Он наугад выбрал страницу – как талисман.

Я проехал по всей этой земле и увидел ужасные разрушения. Это погрузило меня в глубокую печаль. Виды подобного опустошения могут ввергнуть в величайшую тоску. Здесь обнаруживается удивительный парадокс: варвары-инки поддерживали повсюду абсолютный порядок, вся страна была спокойна, все жители накормлены, тогда как сейчас везде лишь покинутые обитателями деревни, следы разорения по всем дорогам в этом королевстве.

Франциско медленно закрыл книгу. Он знал многие страницы из нее наизусть.

---

⁴ История инков: современные хроники (исп.).

⁵ Франциско, который способен понять ее свет (исп.).

Глава вторая

Все следующее утро, окруженные пустынными горами, они шли и шли по серпантину, поднимаясь на нескольких тысяч футов по скалистой стене долины, а их тропа, огибая весь бассейн реки, вела над ущельями, заполненными облаками. Путь оказался трудным с самого начала. В непривыкших к таким переходам мышцах пульсировала боль, а нежная кожа покрывалась ссадинами и волдырями. Но все же, после четырех часов, проведенных на ногах, они время от времени смеялись и даже нашли в себе силы затянуть какую-то песню, отдыхая под неизвестными им деревьями и разглядывая свежие волдыри на ногах. Они с удивлением смотрели на другую сторону долины, откуда спустились вчера, – туда, где узкая тропка, казавшаяся отсюда не толще человеческого волоса, вела по самому краю невидимого обрыва. Их охватывала тихая гордость. Казалось, спуститься оттуда под силу лишь горным козам.

Только Луи казался раздосадованным, как будто его выносливая, привыкшая к походам по горам лошадь втайне от всех устраивала ему невыразимые пытки. Иногда он хватался за спину. В то время как английская чета и священник, обливаясь потом, поднимались след в след за проводником, он бросил поводья и предоставил лошади самой преодолевать повороты извилистой тропы. Камилла никак не могла понять, чего же они оба – он и его жена – ожидали. На Жозиан были дорогие на вид джинсы и ажурная кофта из аль-паки⁶, которую она купила в Лайме, а Луи был одет в бежевый джинсовый костюм и мягкую фетровую шляпу от солнца. Время от времени Жозиан останавливалась, чтобы посмотреть в маленькое зеркальце и проверить, все ли у нее в порядке. Они недавно вернулись из двухнедельного круиза по Амазонке, но все равно выглядели так, как будто участвовали в праздничном параде.

Нередко Луи ужасно хотелось слезть наконец со своей лошади и пройти немного пешком, но он знал, что в таком случае он наверняка сильно отстанет от остальных. Поэтому он наблюдал за Жозиан, которая без видимых усилий легко ехала впереди него, и понимал, что она отправилась в это дурацкое путешествие лишь для того, чтобы полюбоваться пейзажем или своей лошадью. Иногда она направляла объектив фотоаппарата на горные вершины, окаймленные деревьями или терявшиеся в густых облаках. На ее губах всегда играла легкая, привычная улыбка. В любом случае это был ее праздник: он никогда не планировал ее праздники. Казалось, она вовсе не удивлена трудностями, с которыми они столкнулись на этой земле, она ни на что не жаловалась. Она просто смотрела, как все это проходит мимо нее, с той же непосредственностью и невинностью, которые так поразили его, когда они впервые познакомились. Ему тогда ничего не оставалось, кроме как посмеяться над ней за это или полюбить. Теперь он смеялся уже не над ней, а над собой.

Иногда он закрывал глаза и слушал стук копыт под собой. Он никогда не умел восхищаться пейзажами. Англичане постоянно выражали бурную радость, любясь теми или иными видами, а испанец все время смотрел вперед так, как будто за ближайшим поворотом притаился сам Господь Бог. Но для Луи красота природы была чем-то вроде обмана. Эти равнодушные ко всему вершины и сланцевые лощины! Всем было наплевать на них, пока вдруг откуда-то не появилась мода на то, что природа – великолепна. И вот теперь толпы туристов бродят вокруг, поминутно выкрикивая: «Как красиво!» Это – всеобщее заблуждение, передающееся по наследству. Горы не могут быть красивыми, думал он. Кантата Баха может быть красивой, лестница в Фонтенбло красивая, Жозиан красивая. А земля – это объект изучения науки геологии.

---

⁶ Животное, обитающее в Перу и Боливии. Славится ценной шерстью.

Он снова бросил поводья на луку седла. Впереди на сотни миль тропа вела вдоль по отвесному скалистому утесу. Два шага влево – и вас нет. Но теперь они уже привыкли к этому – они шли индейской цепочкой, – и лошади здесь чувствовали себя гораздо увереннее, чем люди.

Он услышал, как англичанин, шедший перед Жозиан, пытается с ней флиртовать. Звук их голосов слабо разносился над ущельем.

- Вы хорошо держитесь в седле.
- У моих родителей были лошади на юге Франции.
- А я думал, что вы бельгийка.
- Луи бельгиец. Я французенка. С юга.

Французенка, подумал Роберт; тогда к ней проще подойти. Ее лошадь постоянно тыкалась мордой ему в спину. Каждый раз, когда он оборачивался, Жозиан ослепляла его веселой улыбкой; но в ней не чувствовалось никакого личного расположения, как ослепительный свет семафора. Она сбивала его с толку. Хрупкая, как дитя, она совершенно не вязалась с окружающим ее суровым пейзажем; должно быть, в ней была какая-то скрытая сила. Она казалась одновременно пустой и одухотворенной. Ее руки, державшие поводья, заворожили его. Худые, покрытые венами, они совсем не были похожи на руки девушки. Он вдруг представил, как во рту у лошади пульсирует электричество. Кости этих рук были такими же тонкими, как струны арфы.

Странно было разговаривать о таком здесь, среди облаков. Но он все же сказал:

- Значит, твоя семья живет во Франции.
- Мама – да. У моей сестры свой бизнес в Тулузе. Она делает животных. – Ее смех разлился над бездной.
- Животных?

Но в это время они заметили, что проводник указывает палкой на что-то у самого горизонта, и посмотрели туда. Далеко впереди белые облака густели, распадались на более мелкие и плотные, сливаясь с небом; казалось, с неба сыплются мелкие обломки гор. Круглые вершины плотно примыкали друг к другу, что делало весь хребет удивительно похожим на волны, вздымавшиеся вдалеке подобно уходящему отливу, делаясь все ниже и ровнее. На одной из таких вершин, куда указывал им проводник, были руины инкского города Чокекиро, но пока что никто, кроме проводника, их не мог разглядеть.

Они шли по серпантину, опоясывающему гору, еще два часа, то и дело попадая в неглубокие овраги, доверху заросшие орхидеями и акацией. Потом Роберт вдруг заметил впереди нечто, похожее на каменный бастион огромной крепости, расположившейся на уступе над ложиной.

– Вон он! – Он повернулся к Жозиан. – Вы не видите?

Жозиан осадил лошадь.

– А, да! – Она снова улыбнулась, как улыбалась всему: горам, цветам, ему самому. – *Quelle folie!*⁷ Почему они построили его так высоко? Почти под облаками!

Но Роберт не знал этого. Никто не знал. Об этом месте ничего не писали – даже испанцы.

Еще через час пути джунгли вдруг расступились, и они заметили, что идут по траве под огромными полукруглыми террасами. На землю опускались сумерки. Тот бастион, который заметил Роберт, с близкого расстояния оказался оптическим обманом; он распался на мощенные камнем эспланады⁸, отвоеванные у леса, деревья в котором были им совершенно неизвестны. Они в изнеможении расположились на самом нижнем ярусе, где погонщики уже ставили палатки, и почувствовали какую-то детскую гордость оттого, что достигли наконец своей первой цели: они пришли в свой первый город инков. Забравшись в палатки, они растирали свои

---

⁷ Какая глупость! (Фр.)

⁸ Площадка для прогулок; ровная, открытая местность.

ноги, сосали витамины, смазывали покрасневшие места и быстро глотали еду, которую брали с собой отдельно от общего запаса продовольствия.

А руины города покоились над их головами в ожидании следующего утра. В глубокой тишине на горы опустилась ночь. Роберт ликовал. Итак, первая цель достигнута, и какая цель! Даже отсюда руины казались ему раскрытой книгой: древний город инков, нетронутый веками, раскинувшийся на горном уступе, выстроенный непонятно с какой целью.

После ужина, лежа в палатке, он вдруг почувствовал, что хочет поделиться своей радостью с Камиллой. Он смотрел на контуры ее тела – она сказала, что ей холодно, и забралась в спальный мешок, свернувшись, как ребенок, – и думал, смирилась ли она с этим путешествием или все еще обвиняет его в том, что он потащил ее с собой. Роберт сказал:

– Ты ведь не боишься, правда?

Она слегка шевельнулась:

– Нет, совсем нет. Я просто еще не совсем привыкла, – потом внезапно добавила: – Ты не замечаешь, что вокруг нас на много миль джунгли, а мы не слышим ни звука? Полная тишина.

Но нет, подумала она, несмотря на все это, она не боится. По крайней мере, не боится ничего конкретного. Она просто сказала себе: теперь мы одни. И вот сейчас, подумав об этом, лежа в холодной палатке, она вдруг осознала, что на самом деле она боится пустоты. Самой мысли о том, что здесь уже давно никого и ничего нет. Наверное, таких мест не боятся только очень сильные люди? Или, по крайней мере, те, кто способен защитить друг друга? В других местах ночь наполнялась тихими, успокаивающими звуками. Но здесь само спокойствие, как и все остальное, всегда основывалось на тишине. Живя в Лондоне, Камилла никогда не замечала звезд: небо было оранжевым. Здесь звезды приводили ее в уныние. Можно ли погрузиться в эти джунгли и выйти оттуда целым и невредимым?

Роберт сказал:

– Ну да, естественно, здесь тихо. Это ведь не тропический лес.

Но он сам почувствовал раздражение в своем голосе, поэтому повернулся и обнял ее за плечи:

– Теперь здесь безопасно. Эта земля практически необитаема. Боевиков из «Сверкающей тропы» поубивали много лет назад.

Она медленно обхватила себя руками, и ее пальцы коснулись его. Дело не в том, подумала она, дело вовсе не в том.

Никто из них не видел до этого ничего подобного. Под ними, на расстоянии шесть тысяч футов, причудливо изгибаясь, текла река Апуримак. В девятнадцатом веке путешественники принимали этот город за потерянный Вилкабамбу, но сейчас, при отсутствии каких-либо точных записей, все теории себя исчерпали. Возможно, это были всего лишь удаленные владения какого-нибудь всеми забытого князька или священное убежище, в котором жрицы, Девы Солнца, вырастили последнего правителя инков; а может быть, и гробница для мумий инков королевской династии.

Они преодолели одну за другой пять террас и поднялись на небольшую площадку, ограниченную со всех сторон руинами. Их ноги зашуршали по траве, которая здесь пышно разрослась. Роберт узнавал все, о чем так много читал; он смотрел на древние здания, как будто пролистывал страницы в своей памяти. В первый раз за долгое время то, что давно умерло, возродилось к жизни. Здесь можно было увидеть сохранившиеся стены больших залов, за ними – водные каналы, мощенные булыжником, и фасады огромных складов; а недалеко от складов – бассейны высохшего фонтана. Когда он бродил вдоль гладких стен без единой щели, его энтузиазм становился заразным. Он говорил и говорил, не останавливаясь, а остальные слушали его. «Посмотрите, вы только посмотрите!» Они наклонились и посмотрели туда, где террасы обрывались и уступали место джунглям. Инки покрывали голые скалы землей, как будто золо-

том. «Самая великая сельскохозяйственная империя в мире! – воскликнул он. – Мы взяли у них картофель и научились сушить овощи, как делали инки. А видите, там, наверху?»

Высоко над ними располагались зернохранилища с огромным количеством окон для вентиляции. Они бы вполне вместили в себя целую армию. Такие зернохранилища были построены по всей империи, чтобы в ней никогда не было голода. «Инки прекрасно умели все организовывать!» Их империя поражала его как административное чудо: союз людей, управляемый Верховным Инкой. Они проложили десятки тысяч миль мощеных дорог между Эквадором и Чили. Они построили множество навесных мостов – канаты из алоэ, прикрепленные к каменным столбам, – так что гонцы могли передавать донесения по эстафете на расстояние в тысячу миль за неделю.

Его голос эхом отдавался в остроконечных залах. Огромные балки, когда-то покрытые тростником, были все еще на месте. Здесь он нашел все элементы архитектуры, о которых читал в книгах: утопленные в стены дверные проемы с монолитными притолоками, каменные кольца, удерживавшие ныне исчезнувшие двери, окна в форме трапеций и ниши, нарушающие монотонность величественных стен.

Внезапно Жозиан спросила:

– Est-ce qu'ils n'avaient pas froid, la-haut?⁹

– Холодно? – Роберт рассмеялся. – Ну да, наверное, было. Но эти камни... Ни одна цивилизация в мире не обращалась с камнем так, как инки! А ведь они строили, не имея ни железных инструментов, ни колеса. – Он подумал об огромных зданиях, которые рассматривал на фотографиях. На некоторых была видна гладкая кладка из камней правильной прямоугольной формы, на других – из разных по размеру и фактуре, весящих сотни тонн каждый, – все они были точно подогнаны и плотно пригнаны один к другому без всякого раствора, с внутренней фаской по краям, так что щелей между камнями было практически не видно. Здесь, в Чокекиро, некоторые из дверных проемов были как раз такой удивительной кладки. В щель между камнями невозможно было засунуть даже булавку. А в нишах, которые было видно с площади сквозь дверные проемы, вероятно, лежали мумии предков. Луи провел по ним руками, удивленно бормоча что-то себе под нос, в то время как проводник-mestizo шел по пустым залам, скручивая сигарету.

Через некоторое время Роберт и Камилла остались одни. Возле них держался и священник. Он слушал все, о чем говорил Роберт, с какой-то напряженной сосредоточенностью. Теперь, когда остальные разошлись, он сказал на своем мягком, правильном английском:

– Но все эти дворцы, они должны были выглядеть очень... скромно.

– В каком смысле – скромно?

– Покрытые тростником. Как деревенские дома.

– Да, но представьте себе эти огромные тростниковые крыши! А стены, которые сейчас выглядят очень просто, когда-то были покрыты штукатуркой и раскрашены, некоторые увешаны гобеленами из шерсти викуни¹⁰ – и величественные храмы, все покрытые золотом. Скромно? Ну нет.

Священник устался в землю. Роберт продолжил:

– У этой цивилизации были огромные богатства и власть. Победа вашего народа – я имею в виду испанцев – была сама по себе удивительной.

Франциско тихо сказал:

– Они были очень суровые люди. Из Эстремадуры, – и добавил еще тише: – Откуда я родом.

---

⁹ А им не было холодно здесь, так высоко? (Фр.)

¹⁰ Животное из рода лам.

– Из Эстремадуры? – Роберт удивленно уставился на него. – Ха! А почему же вы раньше не сказали? Это же потрясающе.

Священник покраснел, как мальчишка:

– Я родился недалеко от Трухильо... города конкистадоров. Отец назвал меня Франциско в честь главного конкистадора Писарро.

Ему вдруг очень захотелось ускользнуть от их взглядов: голубые глаза Роберта сверкали любопытством, мягкий взгляд Камиллы был полон удивления.

Она думала о том, как не похож он был на потомка конкистадоров: худой мальчик с орлиными чертами лица и оливковой кожей.

– А ваш край все такой же суровый? – жестко спросил Роберт. – Все такой же бедный?

– Он вполне подходит для коров и свиней.

Как они могли его понять, думал Франциско. Его земля не была похожа на эту. Это было огромное горное плато, с редкими кустиками и выступами серых скал, на которые ругался его отец. Их пастбища были полгода покрыты коричневой травой и окружены невысокой каменной изгородью, которая рушилась так же быстро, как и была построена.

Для него их поля всегда намертво ассоциировались с его отцом: человеком на лошади, с кнутом в руке. В его мальчишечьем воображении он все время объезжал свои бескрайние владения. Седые волосы откинута назад, густые брови. Когда он вспоминал об отце, в его памяти вставало одно и то же изображение: отец сидит на лошади и тяжело смотрит на него, его глаза прячутся в тени козырька, – стальной, злобный взгляд. Потому что то, на что он смотрел, было для него постоянным разочарованием: расплывчатым лабиринтом мечтаний и страхов – его младшим сыном. «На что ты сегодня потратил свое время?»

Камилла спросила:

– Значит, вы все – фермеры?

– Да... да.

Навес для скота был сначала больше, чем их дом: огромный сарай с каменными стенами, в котором зимой содержался скот и хранился силос. Тогда все коровы были белого цвета – их даже можно было погладить, – с маленькими головами и тупыми рогами. Но, когда ему было десять, они продали эту ферму – отец называл ее «пустыня» – и купили ферму «Санта-Амалия» в Абахе. На каменные столбы были навешены тяжелые ворота из кованого железа, а их земли окружал уродливый забор из колючей проволоки. Толстые столбы подпирали стены дома, и ему отвели собственную комнату, выходившую окнами на эвкалиптовые деревья. В тот день он поехал с отцом посмотреть на новое стадо. У этих коров были кривые рога и гладкие рыжие шкуры, они пили из поилки, обложенной камнями. Это была «сильная порода», как выразился отец. Франциско сказал:

– А мне больше нравились белые.

– Белые! – Лицо отца застыло, а взгляд наполнился ужасной яростью. – Ты что, думаешь, они игрушки? Черт возьми, что за кровь течет в тебе? – Он презрительно оглядел сына, прищипил коня и ускорил.

Камилла продолжала спрашивать его:

– Вы единственный ребенок в семье? – Казалось, ей было его жалко.

– У меня есть старший брат.

Но теперь, когда Франциско так долго прожил отдельно от семьи, даже образ Мигеля казался ему каким-то размытым. Именно хвастливого Мигеля отец и научил скотоводству. И как раз от Мигеля Франциско – ему тогда было восемь лет – впервые услышал семейное предание о том, что в их жилах течет кровь конкистадора. «Давай поиграем в испанцев и инков!» – и они принимались бороться на кошенном поле до тех пор, пока он не кричал от боли из-за того, что ему скрутили руки. Мигель всегда выигрывал, но это никогда ему не надоедало. «Кто Писарро?» – кричал он и выкручивал руки все сильнее и сильнее, пока Франциско уже чуть не

скулил от боли: «Ты Писарро». «А кто желтокожий инка, Атахуальпа?» – и снова выкручивал руки. «Я... Я желтокожий инка, Атауальпа!»

Атахуальпа. Тогда это имя для него ничего не значило. Но позже, в школе, он узнал, как вождь инков был схвачен главой конкистадоров Писарро и как он купил свою свободу за обещание отдать ему все свое золото, сваленное грудой высотой восемь футов у него в подвале. Инка сдержал свое слово, а вот испанец – нет. Атахуальпу окрестили и потом... казнили.

– А как выглядит Трухильо? – спросил Роберт. – Все эти старые дома конкистадоров?

– Трухильо очень красивый город, если только вам нравятся такие города. – Он сам почувствовал, что в его голосе прозвучала горькая насмешка. – Он построен из скального камня и гранита. В нем все – каменное. И там, конечно, есть старые дома и дворцы конкистадоров. Они вернулись домой богатыми.

Когда-то он любил этот городок, или, по крайней мере, испытывал к нему какой-то благоговейный трепет. Его завораживали укрепленные особняки и церкви, усеявшие холм вокруг всеми покинутого замка, ему нравилась церковь Святого Мартина, на крыше которой свили гнездо аисты, ее колокольня с тяжелыми колоколами, которые звонили каждую четверть часа, разнося по воздуху странный, пустой и звонкий звук, как будто кто-то бьет по пустым доспехам. Он хорошо помнил, как однажды вечером мать повела его туда, откуда Дева Мария смотрела на город из окна своей часовни в полуразвалившемся замке. Когда они вошли, мать вложила ему в руку монету в сто песет и помогла просунуть ее в специальную щель для монет. «Она – твоя покровительница, – сказала мать. – Богоматерь, Приносящая Победу». Мама улыбалась ему. Он унаследовал ее тонкие, почти хрупкие черты лица; правда, она была более привлекательной. Внезапно часовню залил свет заката, и несколько минут Дева Мария сияла над всем Трухильо. Он подумал: «Она светится из-за меня! Это все из-за меня!»

Но на следующее утро отец привез его на центральную площадь города. У него была на то своя причина, Франциско знал это: у его отца всегда были на все свои причины. Мальчик увидел бюсты конкистадоров, стоявшие вдоль каменной стены, у них всех были открытые рты, как будто они кричали или злились, а за спиной – орлы и медведи. Они восхитили и оттолкнули его. Потом отец подвел его к подножию самого жуткого памятника. Он прочитал надпись на постаменте: «Франциско Писарро, конкистадор» – и посмотрел вверх.

Завоеватель сидел в доспехах на лошади, он возвышался на тридцать футов от пьедестала и был в два раза больше, чем в жизни. В приступе острого страха, почти узнавания, мальчик внимательно рассматривал его. Высоко над ним, над головой лошади, тоже в броне, жестокие глаза смотрели на него из-под поднятого забрала. Лучи солнца, падавшие на лицо, разделили его на несколько кусочков: неровную бороду, крючковатый нос, тонкие губы. Из шлема неприятно торчало двойное перо.

Франциско устался в землю. Отец обнял его за плечи, и мальчик содрогнулся от привычного тепла его руки. Это было посвящение, и он знал это. Он начал дрожать. На его плечи легла рука с обломанными от работы ногтями и сплошь покрытая черными волосами. Но все же в ней чувствовалась какая-то нежность. Когда Франциско снова поднял голову и посмотрел на статую, ее глаза были узкими щелями под веками, покрытыми ярь-медянкой. Они смотрели на него? Или были закрыты? Он не знал. Только выпуклые, безумные глаза лошади виднелись в прорезях доспехов.

Легкий ветер поднялся на площади Чокекиро, и по траве побежали небольшие волны. Роберт говорил:

– Но большинство конкистадоров вообще не вернулось домой. Они разбогатели и остались жить здесь.

Ниши в дальней стене скрывали свои воспоминания о мертвых инках.

Франциско осторожно спросил:

– Как вы думаете, можно ли простить нам то, что мы сделали?

Роберт с трудом сдержался. Он не думал об этом. Он с раздражением пнул комков земли. Камилла мягко спросила:

– Как вы стали священником?

– На самом деле я пока еще не стал священником, – ответил он. – Я семинарист, дьякон. – Он посмотрел в ее глаза и подумал, что там есть что-то твердое, глубокое и твердое. На минуту он доверился ей. – Я всегда хотел стать священником.

Как им объяснить, что с самого детства Бог представлял перед ним повсюду: в звуках церковного органа, возвышаясь над всеми остальными голосами, в тайных агониях распятого на кресте, в облатке, которая символизировала Его плоть? Даже отец опускался на колени у алтаря перед маленьким лысеющим священником – так странно было это видеть. Даже брат. Поэтому Франциско понял, что единственное занятие, имеющее смысл, – быть слугой Господа. А в часовне, над Христом, висевшем на кресте в своих ужасных муках, на посеребренных облаках парила Богоматерь, Приносящая Победу, Защитница Трухильо. У нее были резко очерченные скулы и золотые одежды. Ее серые глаза смотрели на него с пугающей надеждой.

– Дьякон, – казалось, Камилла задумалась над этим. – Как долго нужно учиться в семинарии?

– Шесть лет. Я проучился уже пять.

Именно там, в семинарии, год назад его стали преследовать кошмары – он не мог рассказать об этом англичанке, – а однажды утром, на перемене между Священной Теологией и Покаянием, с ним случился нервный срыв. Это нельзя объяснить ни ректору семинарии, ни самому себе, ни даже Господу. Лучше всего на некоторое время покинуть семинарию и очиститься – так ему сказали, – пообещав вернуться. Иногда Бог посылает тебя в путешествие.

Он испугался, что она может спросить его о чем-нибудь еще. Он не хотел ей лгать. А ее муж расхаживал туда-сюда, подобно посаженному на цепь зверю, и о чем-то напряженно думал. И все же Франциско боялся, что она могла чего-то не понять. Почти поддавшись панике, он пошарил у себя за спиной в рюкзаке и нашел диск из кварца. Он был прохладным и драгоценным, когда Франциско передал его ей, он стал похож на любовный дар. В награду за это Франциско увидел, как ее глаза расширились от удивления, а ее пальцы провели по поверхности диска.

– Что это?

– Это зеркало инков.

Она повертела его в руках.

– Роберт, посмотри на это.

Он подошел и встал между ними.

– Я никогда такого не видел. – В его улыбке промелькнул слабый интерес к Франциско, и молодой дьякон вздрогнул. – Где вы нашли его?

– Оно принадлежало семье моего отца. Он говорит, что наши предки были конкистадорами. Он также показал мне перешедшие к нему рукоятку меча и кинжал, а то бы я не поверил в это. Моего отца никогда не интересовало это зеркало. Он разрешил мне взять его себе. – Франциско протер его рукавом. – Мне кажется, оно очень красивое.

Роберт взял его из рук Камиллы, и они по очереди посмотрелись в его темную поверхность. В тот момент, когда они подносили его к глазам, они вдруг подумали о том, что они в нем увидят. Обоим вдруг представилось, что темный сверкающий диск хранит доступ в другие миры, может быть, в прошлое. Роберт подумал: «Интересно, а инка тоже верил, что отражение в диске – это не его отражение, а отражение чего-то другого? Что лицо в диске может оказаться лицом насмешливого чужака».

Но скорее всего, думал Роберт, подобные зеркала – это первое, что наделяло инка самосознанием, и тогда он начинал представлять себя как отдельное от остальных существо, со своей собственной внутренней жизнью. Так что зеркало даровало инкам индивидуальность.

Неудивительно, что только знатным людям разрешалось иметь зеркала. Он задумчиво положил его на ладонь и протянул его Франциско так, как это сделал бы инка:

– Интересно, кто смотрелся в него до нас? Девы Солнца? Атахуальпа?

Франциско взял у него зеркало. Ему никогда не приходило в голову, что в него мог смотреться Атахуальпа. Если это так, то отразилось ли следом за ним лицо Писарро? Ему стало не по себе. Он снова протер его поверхность и завернул зеркало в ткань. Атахуальпа. Некоторые отрывки из ранних хроник – из книг, которые ему одолжила мать, или из библиотеки в Пласенсии – он помнил не хуже своего требника или Библии.

«И под звуки труб привели Атахуальпу на главную площадь города Кахамарки и стали готовить его к казни, и он стал просить правителя дона Франциско Писарро позаботиться о своих сыновьях. А монахи, сопровождавшие его, посоветовали ему забыть всех своих жен и детей и умереть как подобает христианину. Но он продолжал просить правителя позаботиться о сыновьях, горько рыдая и показывая, какого они роста, своей рукой, и, судя по его знакам и по словам его, он покидал их совсем еще маленькими... А потом он сказал, что, да, он хочет стать христианином, и его окрестили. Это были последние слова его, и испанцы, окружившие его, стали молиться о его душе, и вскоре он был повешен».

Камилла в одиночестве бродила среди руин. Сначала ей казалось, что голые стены и угловатые контуры зданий слишком однообразны – отсутствие резьбы или каких-нибудь других украшений делало их безликими. Трудно было представить, что эти руины когда-то были чем-то другим и что когда-то здесь жили люди. Но постепенно она замечала, как внешний мир изменяется под влиянием этого города: сквозь дверные проемы пейзаж казался написанным маслом на холсте, горы были как будто вставлены в рамы окон – Роберт говорил, что инки обожествляли горы, – и то тут, то там открывались чудесные виды на реку Апуримак. По сравнению с Робертом она ничего не знала об инках, но она чувствовала это глубокое благоговение инков перед окружавшими их землями, и Камилла считала это своим собственным открытием.

Она поднялась по тропе на холм над руинами. Когда-то его вершину венчал храм или площадка для наблюдения, но теперь там остались лишь редкие камни, заросшие травой. Она вдруг почувствовала странное облегчение. Единственным звуком, доносящимся сюда, был свист ветра в ушах. Со всех сторон вокруг нее плыла толпа серо-голубых гор, а внизу, в миле от нее, по темным лощинам скользила река. Здесь была только та самая дикая и непосредственная природа, которая так напугала ее в начале путешествия. Здесь не было слышно пения птиц. В голой теснине река делала серебристый поворот, казалось, она текла здесь с самого сотворения мира. Теперь, когда ее никто не мог видеть, Камилла подняла руки и закрыла глаза.

«Кипу, – читал Роберт, – это маленькие браслеты со свисающими спутанными нитками разной длины и цветов. Таким способом, теперь давно забытым, инки передавали различные сообщения. Испанцы писали, что инки читали кипу, как книгу. Но, как правило, такие сообщения сводились к передаче определенной даты или каких-нибудь чисел. В них никогда не отображались ни чувства, ни глубокие мысли: только арифметика фактов».

– Вот таким и должен быть любой язык! – заявил Луи. – Более сложные языки приносят цивилизациям страдания. Ха-ха! Простите. – Он пожал Роберту руку. – Я забыл о том, что вы журналист. Но скажите, вы уже что-нибудь написали? Написали?

Роберт засмеялся. Но все-таки он никак не мог привыкнуть к Луи. За его внешней шутливостью скрывалось нечто такое, что заставляло Роберта настораживаться.

Луи в изнеможении опустил на камень в тени стены, сдвинул шляпу набок, сделал глоток из фляжки, которую носил с собой, и проговорил:

– А у меня здесь не хватает сил даже на то, чтобы отдышаться, не то что начать писать, – он с шумом вздохнул. – Как вы думаете, на какой мы сейчас высоте? – Он резко поднял руку и указал на ущелье далеко под ними. – Вы только посмотрите! Да все это и из обезьяны может сделать человека! Вы должны писать здесь, месье, особенно если не можете здесь писать.

Но Роберт почувствовал, что Луи презирает окружающий их пейзаж. Он сказал:

– Я пока делаю записи и пометки.

Ему вдруг очень захотелось остаться одному и – да – завладеть этим местом при помощи слов. Здесь полно уединенных мест. И у него еще есть время.

Но Луи продолжал:

– По мне, так гений инков проявился не в том, что они создали, а в том, что они отказались создать. Колесо! Только подумайте, сколько несчастий нам принесло колесо! И письмо. У них ведь не было письма, правда? Какая величайшая из трагедий – алфавит!

Роберт взял фляжку, которую ему предложил Луи, и обнаружил в ней крепкий коньяк. По его венам заструилась огненная лава. Может быть, все дело в высоте, подумал он, но то ли коньяк, то ли целебный воздух помогли ему подавить в себе раздражение и ответить Луи его же беспечным тоном:

– Действительно, кому нужно было изобретать письмо? Как журналист я это знаю. Это была всего лишь ошибка. – Он сделал еще глоток – призрачный тост за горы – и передал фляжку Луи. – *За кину!*

Луи пробормотал:

– Салют! – Приподнял фляжку, потом надвинул шляпу на глаза и заснул.

Роберт поднялся по лестнице, которая, как это ни странно, никуда не привела. У него постоянно болела стертая ступня. Из рощи, в которой он оказался, открывался чудесный вид на реку, ущелье и скелет города под ним – больше ему ничего и не было нужно. Важно было пробудить все это на бумаге. Для инков, он это знал, эта земля представляла не скалами и джунглями, а живой картой, на которую была нанесена тонкая паутина святынь. От центрального инкского храма Солнца в Куско по всей стране, к окраинам империи, расходились веером невидимые лучи, которые высвечивали цепи священных горных вершин, реки, огромные, уединенные скалы. Таким образом, всю эту землю можно было читать, как читают Священное Писание.

Он расчистил себе место и сел, прислонившись спиной к дереву. Прежде чем начать писать, он поднял голову и увидел, как над его головой в ветвях дерева порхает колибри. Роберт воспринял это как знак судьбы. Ветер стих, и вокруг воцарилась абсолютная, напряженная тишина. Он открыл свой блокнот и начал писать.

По мере того как образы приходили в его голову, он писал все быстрее и быстрее, короткими рваными предложениями, как будто боялся, что время здесь, на высоте, бежит быстрее. У него не было никакого плана. Роберт просто знал, что ему необходимо описать это место именно сейчас, пока завтрашний переход не ослабит его желания сделать это и не вычеркнет эти картины из его памяти. Он знал также, что пишет сейчас со злым вызовом, вызовом времени, Луи, своим собственным страхам. И он писал и писал – не краткие заметки о собственных впечатлениях, а законченные параграфы (как ему тогда казалось) исторгались из туманных низин под ним, из инкских камней, из тишины реки. Пейзаж вокруг него был таким громадным и таким сложным, что тут требовалось как общее описание, так и особенное внимание к деталям. Роберт осознавал и всю важность этого момента – эти записи были лакмусовой бумажкой для его будущего. Если бы он на секунду оторвался от своего блокнота, его бы тут же охватила паника, что всю свою оставшуюся жизнь ему предречено остаться сидеть здесь, под деревом, среди всеми забытых руин. Так свободно, так неистово он не писал со времен своей юности. Он чувствовал, как заученные им за долгие годы фразы улетают прочь. В первый раз за долгое время он писал не для читателя, а для себя.

Он писал в какой-то пугающей эйфории. Лучи заходящего солнца стали пробиваться сквозь листву на ветках и слепить его. В конце концов он в изнеможении откинулся назад, не в состоянии осознать, что он только что сделал. Вокруг по-прежнему царил тишина. Он закрыл глаза. Он чувствовал, как блокнот пульсирует в его пальцах, но не стал перечитывать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.